

УДК 177.7

СОЛИДАРНОСТЬ С ЖЕРТВАМИ И ЭФФЕКТЫ ПРОФАНАЦИИ*

© М. А. Корещкая

Корещкая
Марина Александровна
кандидат философских наук,
доцент
заведующий кафедрой
философии
Самарская
гуманитарная академия
e-mail: listarh@list.ru

В статье выдвигается предположение, что солидарность с пострадавшими требует не только сакрализации этих пострадавших, то есть возведения их в статус священной жертвы, собирающей вокруг себя коллективное тело, но и профанации, позволяющей сделать социальный аффект заразительным и транслируемым на широкую аудиторию. Обсуждаются вопросы о том, как работает акт профанации в культуре, какие функции он выполняет, как эти функции реализуются в рамках современной стихийной коммеморации и какова степень консолидирующей действенности профанирующего жеста.

Ключевые слова: жертва, пострадавшие, спонтанные коммеморативные практики, карнавал скорби, ритуал, сакральное, профанное, профанация, аффекты, солидарность.

У профанации как у феномена культуры репутация достаточно скверная. Впрочем, надо заметить, что семантика этого понятия неоднородна и в ней мы видим характерное смысловое смещение, причем поверхностный слой использования этого слова в обыденной речевой практике заслоняет, но не отменяет полностью старый семантический горизонт. В современном расхожем словоупотреблении профанация противостоит не почитаемой антропологами и рели-

---

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ № 19 011 00872 «Философская антропология жертвы: сакрализация, управление, дизайн».

гиведами сакрализации, а ее секуляризованным экстрактам и вариациям. Как сообщает «Словарь русского языка», профанация есть «искажение чего-либо невежественным, оскорбительным обращением, отношением»¹. Викисловарь, будучи показательным срезом актуального состояния языка, добавляет ряд важных оттенков: «невольное искажение чего-либо невежеством, оскорбительным обращением, отношением; опoшление, осквернение, кощунство»². Несколько примеров навскидку. Вот Михаил Эпштейн в журнале «Сноб» пишет про реформу РАН: «Чем могут заниматься эти чиновники? — Только одним: проФАНацией науки»³. Или вот примеры, приведенные на интернет-ресурсе «Карта слов и выражений русского языка»: «Это кощунство, профанация искусства!» (К. С. Станиславский, Работа актера над собой в творческом процессе переживания, 1989); «Однако учёный богослов увидел в ней нечто более страшное, чем профанация религиозных таинств» (Александр Соловьев, Знаковые люди, 2007); «При всей его "общепризнанности" такой подход к научности весьма спорен и в конечном счёте ведёт к профанации проблемы» (Ю. А. Левада, Время перемен. Предмет и позиция исследователя (сборник), 2016); «Новое приятие оказалось гораздо страшнее для этого направления, чем прежнее отрицание, так как оно привело к профанации истин, открытых импрессионистами, превратив их в салонный китч» (М. А. Бессонова, Избранные труды (сборник)); «Узурпатор вынужден считаться с этими формами, но это лишь профанация» (В. С. Парсамов, Декабристы и русское общество 1814-1825 гг., 2016); «Сейчас и политика, и выборы стали профанацией» (К. Мямлин, Высокий Коммунитаризм как Русская Идея, 2011)⁴. Исходя из приведенных примеров мы видим, что профанировать что-либо — значит не всегда намеренно снижать качество и уровень (онтологический или этический) события. Быть профаном — значит быть неискушенным дилетантом, не допущенным в круг избранных профессионалов. И, наоборот, обвинения в профанации, высказанные в чей-то адрес, равно как и тезисы в духе «Я не хочу участвовать в профанации!» должны предьявить говорящего в высоком статусе «иерофанта». Профанация — эффект недостаточной избирательности, и нам обычно хотят продемонстрировать вредоносность ее последствий. Таким образом, смысл слова негативный, да еще и ярко эмоционально окрашенный: в профанации, как и в коррупции можно обвинять или сознаваться как в грехе.

Профанация (в этом современном смысле) жертвы или аффектов скорби кажется предосудительным явлением, причем не важно, имеет оно место в

---

¹ Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/16/ma354002.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 10.12.2019).

² Профанация // Викисловарь. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%84%D0%B0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 10.12.2019).

³ Эпштейн М. ПроФАНация науки // Сноб. 16.11.13. URL: <https://snob.ru/profile/27356/blog/67954> (дата обращения: 10.12.2019).

⁴ Профанация // Карта слов и выражений русского языка. URL: <https://kartaslov.ru/> (дата обращения: 10.12.2019).

онлайн или офлайн режиме. И все-таки рискнем предположить, что акты профанации, сопровождая медийную репрезентацию событий, связанных с жертвами, играют далеко не только лишь деструктивную роль в практиках солидаризации. Тем более, что императив доверия исключительно «подлинному», «настоящему» и «реальному» в эпоху «онтологической гибридности»⁵ может напоминать своего рода фантомные боли. По крайней мере, если мы хотим понимать, как сегодня устроено столь драгоценное пользовательское внимание, лучше не слишком полагаться на систему оценок «подлинное/неподлинное».

Если понимать сакральное не в онтологическом, а в перформативном ключе, то есть не как некую субстанцию «повышенной святости» или наиболее подлинную реальность (что имело место у целого ряда авторов, таких как М. Элиаде или Р. Отто), а как эффект перформативных актов, о чем пишут, например, Крис Шиллинг и Филип Мэллор⁶ (опираясь в первую очередь на Э. Дюркгейма, М. Мосса и А. Юбера), то фактически мы получаем следующий тезис: сакральное учреждается практиками изъятия чего-либо (кого-либо) из пространства повседневности и общего пользования. Сакральное есть социальный эффект «сакрификации». Если трактовать этимологию латинского термина буквально, то *sacrificium* (жертвоприношение), производное от *sacer facere*, есть в прямом смысле слова «делание вещей священными». Сакрализовать — значит перестать пользоваться чем-либо как профанной вещью или исключить кого-либо из профанных социальных связей. Чаще всего «сакрификация» представляет собой целенаправленный акт, но в таком качестве сообществом может быть воспринято и спонтанное событие исключения. Вотивные дары, алтарные возлияния и воскурения, сожженные на жертвеннике животные, храмовые территории и строения — все это посвящается богам в актах жертвенного отказа от прямого повседневного использования на прямые нужды общины или индивида. В римском праве *templum* — это земельный участок, принадлежавший общине, который в ходе определенного ритуала посвящался богам и после этого подлежал особому порядку обращения. На таких территориях мог воздвигаться храм, либо же они просто считались священными, но обычная хозяйственная деятельность в их пределах прекращалась под страхом нарушения *раха деорум* (мира с богами). Например, нельзя было сеять пшеницу на Марсовом поле⁷. Сакрализующее изъятие важно, поскольку запускает циркуляцию обменов (вспомним «Очерк о даре» Мосса и работы Кайуа, Батая и Бодрийера, которые на теорию обмена опираются). Можно уточнить этот момент с помощью терминологии постструктуралистов: для того, чтобы ритуальный обмен дарами выполнял свою функцию обеспечения грамматики

---

⁵ Концепт онтологической гибридности раскрывается в статье: *Корецкая М. А.* Виртуальная война как продолжение биополитики другими средствами // Аспирантский вестник Поволжья. 2016. № 7-8. С. 57–62.

⁶ Chris Shilling, Philip A. Mellor. 'Making things sacred': Re-theorizing the nature and function of sacrifice in Modernity // *Journal of Classical Sociology*, 2013(3), p. 319–337.

⁷ *Сморчков А. М.* Религия и власть в Римской Республике: магистраты, жрецы, храмы. М. : РГГУ, 2012. С. 206–207.

социальных связей и перераспределения престижа, нужен принцип «пустой клетки», то есть того блага, той ценности, которая не будет распределена для приращения богатства в чью-либо пользу, а будет непродуктивно потрачена, уничтожена или хотя бы изъята для хранения в храмовой сокровищнице. Акт жертвенного изъятия, о чем пишет Дж. Агамбен, открывает измерение религиозного⁸, но не только. Жертва производит общности, индуцируя аффект, сплывающий коллективное тело. Она же утверждает иерархии, не случайно в основе властного величия лежит принцип: «Не прикасайтесь к помазанным Моим!» (Пс. 104:15). Или, если ориентироваться на концепцию Р. Жирара, жертва (и прежде всего, жертва человеческая), будучи «насильственно» изъятой из социальных связей, канализирует внутригрупповое насилие и устанавливает мир и порядок. Эта логика изъятия позволяет отчасти понять, откуда в современности, столь высоко ценящей человеческую жизнь и не практикующей буквальных и целенаправленных человеческих жертвоприношений, в случаях катастроф или насильственных смертей возникает эффект спонтанной сакрализации, превращающей жертв-пострадавших в сакральных жертв, по крайней мере отчасти выполняющих жертвенные функции.

Если сакрализация есть изъятие, то профанация, напротив — возвращение изъятого сакрального в круг рутинных операций⁹. В римском праве профанировать упомянутый выше *templum* — значит в результате особых ритуальных актов вернуть этот земельный участок в общее продуктивное и рутинное пользование. Отталкиваясь от этого момента, Агамбен пишет профанации «Похвалу», поскольку именно практика профанирования способна, по его мнению, эффективно противостоять политической теологии, базирующейся на фундаменте процедуры исключения. Поскольку политическая теология черпает свою легитимность в области сакрального, против сакрального и совершается анархическая диверсия. Профанация, в отличие от секуляризации, просто смещающей иерархические структуры с неба на землю, способна, согласно Агамбену, сакральное дезактивировать, парализовать его действенность, и по этой причине восхваляется ее эмансипаторный потенциал¹⁰. Этот тезис весьма нетривиален, но он вызывает ряд сомнений, на которых в рамках данной статьи мы останавливаться не будем, поскольку они были изложены в другой

---

⁸ Агамбен Дж. Похвала профанации // Профанации / Дж. Агамбен Дж. ; пер. с ит. К. Токмачева, под ред. Б. Скуратова. М. : Гилея, 2014. С. 79—80.

⁹ Лат. *Profanatio*, то есть собственно «профанация, лишение святости», производно от глагола *profanāre* «размещать нечто перед храмом, лишать святости», этимология которого достаточно проста: слово состоит из приставки индоевропейского происхождения *pro* «вперёд, для, за, вместо» и корня *fanum* «освящённое место, святилище»; причем *fanum* производно от *fanare* «освящать, приносить» и связано с *festus* «празднование, радость», и восходит к праиндоевропейскому корню **dhes-* дар, приношение. Таким образом, профанированное — это буквально вынесенное за пределы освященной зоны (см.: Michiel de Vaan. *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden - Boston: Brill, 2008, p. 201. 825 p.).

¹⁰ «Профанация, напротив, нейтрализует то, что профанируется, она дезактивирует диспозитивы власти и возвращает в общее пользование пространства, которые были властью конфискованы» (Агамбен Дж. Похвала профанации. С. 83).

публикации¹¹. В любом случае, сей скепсис вовсе не означает, что профанация заслуживает лишь порицания и недоверия, к чему нас склоняет сложившаяся привычка словоупотребления (профанировать — действовать недостойно, оскорблять и опошлять, как уже говорилось выше). Профанирующий жест еще способен на сюрпризы, и важно увидеть, как профанация работает в современности, какие социальные эффекты производит. В частности, мы попробуем убедиться в том, что вопреки расхожей установке недоверия профанированному, ему-то мы достаточно часто и доверяем. Когда речь идет о таком важном «движке» социальных процессов, как солидарность с пострадавшими, оказывается важна не только сакрализация этих пострадавших, возводящая их практически в статус священной жертвы, обладающей потенциалом собрать вокруг себя коллективное тело, но и профанация, позволяющая сделать социальный аффект заразительным и транслируемым на широкую аудиторию.

Прежде чем приступить к анализу того, как профанация работает в современной медиасреде, для начала посмотрим на взаимодействие регистров сакрального и профанного в архаических ритуальных практиках. И здесь могут быть намечены, как минимум, три различных сценария профанирующих актов, два из которых можно условно охарактеризовать как «нормирующие», поддерживающие и ретранслирующие сакральное во имя определенного порядка и сплочения, и один как «эксцессивный». Подробно эти сценарии были рассмотрены в другой работе, там же была приведена и аргументация в пользу предложенной типологии¹², поэтому здесь представлен лишь краткий схематичный абрис, необходимый для того, чтобы опираться на него при интерпретации эффектов профанации жертвы в сетевых медиа.

Первый сценарий имеет место при жертвоприношении. У Юбера и Мосса, как мы помним, речь идет о целенаправленном снижении уровня сакральности принесенной жертвы для того, чтобы к ней могли без боязни приобщиться обычные люди, ничем не рискуя¹³. Сакральное в концентрированном виде описывается как слишком мощная энергия, которая опасна, несанкционированное взаимодействие с ней для непосвященного-профана чревато взаимным осквернением. Ритуальная, регламентированная профанация «дозирует» сакральное и широко распространяет его, а с ним вместе и влияние властных авторитетов, способствуя консолидации причащающегося сообщества.

Второй сценарий профанации — карнавальный (в том смысле, в каком писал о карнавальной культуре М. Бахтин), предполагающий, что иерархии переворачиваются, сакральное высмеивается, опошляется. Для сакральных предметов находится совершенно немислимое использование, границы целенаправленно нарушаются. Этот профанирующий коллективный разгул также

---

¹¹ *Корецкая М. А.* Профанация как метод дезактивации политической теологии // Аспирантский вестник Поволжья. 2018. № 7-8. С. 30—36.

¹² Там же.

¹³ *Мосс М., Юбер А.* Очерк о природе и функции жертвоприношения // Социальные функции священного. Избранные произведения / М. Мосс ; перевод с французского под общей редакцией И. В. Утехина ; научная редакция М. В. Утехин и Н. М. Геренко ; составление В. Ю. Трофимов. СПб. : Евразия, 2000. С. 51—55.

глубоко ритуализован и происходит в узких временных и пространственных границах. Больше того, такая праздничная трансгрессия в качестве внутреннего движущего механизма содержит двойное жертвоприношение: само сакральное приносится в жертву, подвергается унижению, терзается толпой, чтобы магически компенсировать злоупотребления, допущенные за предыдущий период отправления власти, обновиться и приступить к дальнейшему исполнению своих обязанностей. Также в жертву (буквально или символически) в конце праздника приносится и дебоширящий Сатурн, анти-папа или король дураков. Поэтому данный сценарий профанации при всей своей кажущейся революционности на поверку тоже имеет нормализующий характер, стратегически поддерживая священную иерархию.

В отличие от первых двух, третий сценарий — аномальный и действительно подрывной. Это профанация, связанная со случайным или преднамеренным осквернением или оскорблением «сакрального величия», то есть это профанирующий акт вне нормирующего ритуала (в отличие от первого и второго случая). Прикосновение профана к священному в данном случае не санкционировано, нарушивший табу оскверняет источник силы и «заражается» сам избыточной энергией, вынести которую он не в состоянии¹⁴. Этот профанирующий акт перекодирует позитивное, «святое» сакральное не в профанное, а в негативное, «скверное» сакральное, которое делает профанное использование объекта, территории и т. п. невозможным; энергия скверны влечет за собой смерть, прежде всего, для того, кто нарушил табу и угрожает сообществу хаосом. Не случайно оскорбление величия, осквернение святынь и кощунства запускают карательные меры в масштабах, обязательно превосходящих масштабы самого трансгрессивного деяния. Этот тип профанации во всех отношениях реактивен (в ницшеанском смысле этого слова) и опасен тем, что непонятна мера карательной реакции, а значит, высоки социальные риски.

Краткий обзор этих сценариев позволяет нам, таким образом, предположить, что архаические ритуальные практики включали в себя акты профанации (первого и второго типа) в качестве необходимого элемента, позволяющего сакральному распространяться на сообщество в целом, и в этом смысле консолидирующая функция ритуала без профанирующей фазы едва ли могла бы осуществляться. Некоторый дестабилизирующий потенциал присущ ей разве что в рамках третьего сценария, но и здесь эффект неоднозначен.

Теперь посмотрим на то, как в современных практиках выражения солидарности с пострадавшими в различных бедствиях коммеморативные ритуалы, в целом имеющие явным образом сакрализирующий характер, включают в себя элементы, которые по тем или иным признакам можно было бы охарактеризовать как профанирующие, и попробуем предположить, какую функцию эти элементы могут выполнять. В частности, способствуют ли они солидаризации с жертвами или, напротив, делают ее проблематичной. Практики

---

¹⁴ О таком типе профанирующего поведения подробно пишет Р. Кайуа (*Kaiya P.* Миф и человек. Человек и сакральное / пер. с фр. и вступ. сл. С. Н. Зенкина. М. : ОГИ, 2003. С. 202–217).

стихийной коммеморации¹⁵ особенно интересны в этом контексте по многим причинам. Как отмечает Джек Сантино, стихийный характер временных мемориалов или коммеморативной информационной волны в сетях дает возможность людям почувствовать себя активными участниками ритуалов скорби, что особенно важно в ситуации, когда похоронный ритуал как таковой чрезвычайно зарегламентирован и все больше подвержен эффекту отчуждения. Эти практики, таким образом, «восполняют недостаток осмысленной ритуальной активности»¹⁶. Еще более важно в контексте нашей темы то, что стихийная коммеморация публична и она служит не только выражению скорби как таковому, но и является коллективным заявлением потенциально политического характера. Такой ритуал служит не только тому, чтобы просто публично отметить чью-то внезапную и трагическую, часто массовую, смерть, но и чтобы акцентировать внимание на том, что смерть эта имела место по причине неких социальных проблем — терроризма, недостаточной заботы о безопасности и т. д. «Я полагаю, — говорит Сантино, — что спонтанная мемориализация — это форма социального протеста, в той или иной степени. Это заявление, демонстрация позиции. Мне понравилось высказывание одного человека: раз смерть публична, то и мемориал должен быть публичным. Эти люди не умерли просто дома в своей постели, их гибель — следствие какой-то общественной проблемы»¹⁷. Это позволяет говорить о сложной функциональности спонтанной коммеморативной активности: поминальная функция дополняется функцией перформативной; временные святилища (Сантино употребляет именно слово *shrines*) позволяют переключить жертв-*victim* (пострадавших от тех или иных несчастий) в режим *sacrifice* (то есть священных жертв), консолидируя социальное тело за счет совместно переживаемого коллективного аффекта, который может стать движущей силой солидарности. А может и не стать, или может быть апроприрован господствующей идеологической конструкцией. И один из дискуссионных моментов заключается в том, что соучастие в такого рода онлайн и офлайн ритуалах требует, как правило, довольно необременительных микродействий — сделать пару кликов или принести на площадь цветы. Достаточно ли этого для того, чтобы говорить о полноценной и действенной солидарности, или, может быть, это просто способ коллективно выплеснуть негативные эмоции и успокоиться? И, опять же, какую роль в

---

¹⁵ Под стихийной коммеморацией имеются в виду поминальные ритуалы, к которым относится, прежде всего, создание временных мемориалов на площадях и сопутствующая им онлайн активность. Эти ритуалы практикуются стихийно по тому или иному случаю, отличаются квазирелигиозным и публичным характером.

¹⁶ Интервью с Джеком Сантино, автором книги *Spontaneous Shrines and Public Memorializations of Death* // Археология русской смерти. 2016. № 3. С. 16.

¹⁷ Там же. С. 10. Подробно о протестном потенциале коммеморации см.: Jack Santino. *Performative Commemoratives: Spontaneous Shrines and the Public Memorialization of Death* // *Spontaneous Shrines and Public Memorializations of Death* / Ed. Jack Santino. New York: Palgrave Macmillan, 2005, p/ 5-15; а также Beverly J. Stoeltje. *Protesting and Grieving: Ritual, Politics and Effect of Scale*// *Public Performances. Studies in the Carnavalesque and Ritualesque*. University Press of Colorado, 2017, p. 66–92.

этом канализировании скорбных аффектов играет профанирующий элемент ритуала?

Первый пример, который мы рассмотрим, — наивная коммеморативная поэзия. Это стихи, которые сочувствующие пострадавшим (погибшим и их семьям) приносят в места спонтанных мемориалов и параллельно размещают в сети. Спонтанная мемориализация производит информационную и аффективную волну, которая затем либо сойдет на нет, либо будет с большей или меньшей степенью успешности апроприирована различными политическими силами и перекодирована с этими целями, о чем пишет, например, Анна Милосевич¹⁸. Но чтобы этот процесс был запущен, спонтанная аффективная волна должна быть достаточно мощной. Наивная поэзия — один из способов увеличения амплитуды аффектации. Особенности коммеморативной поэзии и как жанра, и как ритуальной (квазиритуальной) практики исследует Лета Югай¹⁹. Конечно, такая поэзия наследует традиционным заплачкам, но мы можем сказать, что она является профанирующей формой и по отношению к ритуальному «вою», и по отношению к собственно поэзии уже просто в силу того, что право на такое высказывание присваивается любым энтузиастом, то есть собственно профаном в прямом и функциональном, а не оценочном смысле этого слова. Вот типичная пользовательская реплика: «Я писать стихи не умею, но попробую»²⁰. Какова мотивация тех, кто пишет и предьявляет подобные тексты? Прежде всего, это желание выразить свое сочувствие менее формальным и более персонализированным способом. Эти тексты (типичный пример см. на иллюстрации 1²¹) выполняют роль определенного жертвоприношения, даров усопшим, которые приносятся публично и в этом смысле содержат в себе, помимо прочего, еще и некоторую заявку на признание. Пишущий инвестирует в эти стихи не только эмоции, но и время, и силы, и какие-то навыки, даже если эти навыки незначительны. В таких текстах «искренность» и эмоциональность отклика ценится едва ли не выше, чем некоторое мастерство. Хотя и умение придерживаться стихотворного размера или сочетать лирическое (эмоциональное отношение автора текста к событию) с эпическим (описание информационной рамки трагического события, которая заимствуется из новостных сообщений о нем) также отмечается аудиторией и приветствуется,

---

¹⁸ *Milosevic Ana*. Remembering the present: Dealing with the memories of terrorism in Europe // *Journal of Terrorism Research*. Vol. 8, Issue 2 — May 2017, p. 44–61. Милосевич рассматривает неоднозначность процесса смены эфемерных коммеморативных официальных мемориалами, имеющими монументальный характер.

¹⁹ *Югай Л.* Помянуть стихами // *Археология русской смерти*. 2016. № 3. С. 39–51.

²⁰ Там же. С. 42.

²¹ На иллюстрации представлено стихотворение «Главный пассажир», посвященное катастрофе А321 над Синайским полуостровом 31 октября 2015 года, символом которой стала фотография погибшей вместе с родителями десятилетней Дарины Громовой, размещенная в социальных сетях ее матерью перед полетом. Это стихотворение стало одним из самых популярных и часто цитируемых как в редакции с эмодзи, так и без них (см. материалы мемориальной группы «ВКонтакте» «Дарина Громова. Главный пассажир». URL: https://vk.com/darinagromova_glavneypassahir (дата обращения: 08.08.2019)).

Главный пассажир

Коснувшись пальцами стекла
Стоит Дарина - радость мамы
Ей 10 месяцев всего
И здесь она сегодня главный...
Пора домой, окончен отпуск
Счастливый, с дружно семьей
На трапе самолёта фото,
И подпись — «Мы летим домой!»
А дома ждуг, а дома дождик,
Не простудится б нам с тобой —
А дома холодно, но всё же —
Как здорово — лететь домой!
Смесь, проходит пара мимо
Несут дочурку на руках
«Ну что, домой летим, #Дарина?
Сейчас мы будем в облаках!»
Малютка радостно смеётся,
Ей кажется прекрасным мир
И сердце маленькое бьётся
Она здесь — главный пассажир!
И вдруг — толчок. И вдруг — тревога
Ну что могло случиться тут? —

Ил. 1

первого типа, коль скоро происходит трансляция аффекта скорби и сострадания жертвам на максимально широкую аудиторию. Не так давно появившаяся тенденция «инкрустировать» тексты коммеморативной поэзии эмодзи-иконами крайне показательна. Эмодзи, или смайлики, могут ставиться в конец каждой строки и иллюстрировать либо одно из слов этой строчки, либо смысл строки в целом. Пользователь, подбирающий эти значки к тексту, демонстрирует определенную изобретательность и мастерство (что важно в контексте сказанного выше об эксклюзивности даров и агональности). «При этом непреднамеренный комизм подобных сочетаний целевой аудиторией не осознается»²². Это и есть эффект профанации. Причем при всей несообразности использования знаков позитивно заряженной коммуникации для выражения скорбных эмоций по трагическому поводу эмодзи-икона как коммуникативный прием весьма здесь функциональны, поскольку они задают нормирование и выстраивание аффекта у читающих. Если исходить из того, что аффекты

если судить об этом по широте распространения того или иного стихотворения в сети. Производству и циркуляции такого рода текстов присуща определенная аго-нальность: на размещенные в сетевой группе стихи принято реагировать не только высказываясь о них односложно, но и делая перепост других аналогичных текстов, а еще лучше, добавляя некий стих от себя, пусть и небольшой. Агональность на по-минках — явление традиционное, служащее пере-распределению статусов в ситуации, когда поминальный ритуал восстанавливает порванные смертью связи и важно занять крепкие позиции в возникающей новой конфигурации социального тела. Здесь мы видим возвращение к этой практике, пусть и в трансформированном виде, поскольку границы скорбящего коллектива сегодня принципиально открыты, а стало быть и символический капитал перераспределяется иначе, но активное соучастие в аффективной волне, конечно же, способствует и повышению персонального статуса участников коммуникации, и более широкому и интенсивному распространению информационной волны. Если говорить о стилистических особенностях такого рода текстов, то они типичны для наивной поэзии вообще. Им присуща шаблонность и сентиментальность, которые служат одному — узнаваемости и стимулированию готовности сочувствовать. Поэтому можно предположить, что эта практика включает в себя случай профанации

²² Юзай Л. Указ. соч. С. 45.

перформативны и как таковые напрямую зависят от культурных практик (подробно на аргументации по данному дискуссионному вопросу мы здесь останавливаться не можем — это отдельная серьезная тема), то приходится признать и за смайликами определенную конструктивность. Эмотиконы выполняют функцию кадрирования эмоций²³, нивелировки узких культурных контекстов, благодаря чему простенькие, однозначные аффекты могут быть транслированы на максимально широкую аудиторию, узнаны, приняты и способны запустить эффект консолидации за счет силы волны хайпа, а не глубины переживаний. Профанация в этом смысле предстает в виде производства, так сказать, аффектов общего пользования, и конечно, вопрос в том, способствует ли такой аффект солидарности или растворяет ее в бесплодных сентиментальных порывах.

По этому случаю можно вспомнить дискуссию вокруг знаменитого «Дневника» Анны Франк²⁴, опубликованного ее отцом Отто Франком в 1947 году. Дневник быстро стал популярным, был переведен на множество языков и выдержал не одно переиздание, став одним из узнаваемых символов Холокоста как культурной травмы. Но к этому тексту высказываются претензии, причем как со стороны тех, кто отрицает Холокост, так и со стороны тех, для кого травма Холокоста представляет собой часть культурной идентичности. Претензии заключаются в том, что, во-первых, Анна писала, мягко говоря, не совсем тот текст, который был опубликован, значительная правка, как минимум, со стороны отца Анны (от которого едва ли можно требовать непредвзятости) снижает статус этого текста как прямого свидетельства. Впрочем, вопрос о том, что надлежит считать свидетельством, а что нет, сам по себе достаточно дискуссионен, учитывая конструктивный характер памяти вообще и памяти о травматических событиях в частности. Второй пункт претензий нас интересует несколько больше: дневники критиковали за вопиюще сентиментальный, если не сказать пошлый характер. Все-таки исходно это текст, в котором девочка-подросток описывает проблемы и эмоции, свойственные пубертатному возрасту. Да, конечно, это переживания в контексте исторической катастрофы, и Анна достаточно пылко осуждает происходящие вокруг кошмары, но в основном в дневнике

---

²³ О функциональной роли эмотиконов в интернет-коммуникации см.: *Иваненко Е. А., Корецкая М. А., Савенкова Е. В.* Сообщество полиса и медиа-сообщество, или найдите десять отличий между комической маской и смайликом // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2010. № 2 (8). С. 28–49.

²⁴ *Франк А.* Убежище. Дневник в письмах. М.: Текст, 2010. 360 с. В основе этого текста — записи Анны, которые она сделала в период с 12 июня 1942 по 1 августа 1944 года, когда пряталась со своей семьей и несколькими другими людьми от нацистов в потайном помещении. Сначала Анна вела дневник для себя, как текст частного характера, потом, услышав по радио выступление министра образования Нидерландов Херрита Болкештейна, в котором говорилось, что важны свидетельства, решила переписать свой дневник в виде романа и начала его дополнять и переделывать, меняя имена персонажей, опуская интимные детали и придавая тексту все более публичный характер, однако работу эту завершить не успела. Отто Франк, единственный, кому удалось выжить из всей семьи, получив дневник от своей коллеги Мип Гиз, которая нашла его в убежище и спрятала, отредактировал текст и опубликовал его в 1947 году.

описываются будни буржуазной семьи, спрятавшейся от преследования. Можно ли на текст такого рода опираться при свидетельстве о Шоа, о трагедии геноцида, которая в рамках культурной памяти должна быть сакрализована? Не профанация ли это, дающая, к тому же, аргументы для антисемитизма — кругом массовое насилие, а парочка семейств в своем убежище занята дележкой скудных ресурсов и выяснением отношений. Но, как показывает Дж. Александер, Отто Франк «четко понимал связь между сосредоточенностью Анны на своей частной жизни и потенциально универсализирующей привлекательностью «Дневника»»²⁵. Именно благодаря тому, что это достаточно сентиментальный текст, описывающий трудности взросления и будни буржуазной семьи перед лицом окончательного решения, оказалось возможно сформировать культурную травму Холокоста как узнаваемую широкой аудиторией и запустившую волну солидаризации. В то время как до распространения «Дневников» и опирающихся на них экранизаций проблемы евреев не узнавались ни в Америке, ни в Европе как «свои» теми, кто не пострадал от геноцида непосредственно. Таким образом, Александер настаивает на том, что сентиментальность обеспечила сострадание, инициировала волну эмпатии, а мелодрама оказалась ключом к формированию трагического перформатива, столь важного для распространения антифашистского дискурса и радикального осуждения геноцида. Ханна Аренд шокировала всех наблюдением о банальности абсолютного зла. Но, как ни странно, для закрепления антифашистских установок оказалось важно также и наблюдение о банальности жертвы, потому что только такой нарратив открывает глаза на то, что каждый может оказаться на ее месте, и тогда интенцию «это не должно повториться» люди воспринимают на свой счет и готовы вокруг нее солидаризироваться. Итак, поскольку здесь речь идет о некотором снижении образа жертвы, ее риторики или аффективной риторики вокруг нее (она представляется не в возвышенно-героических, а в сентиментально-мелодраматических тонах), в результате чего было возможно максимально широкое включение аудитории в процесс драматизации культурной травмы, мы можем рассматривать данный эпизод также в качестве примера профанации в структурном смысле этого слова. Сама по себе такая профанация еще не является практикой солидарности, но, похоже, может быть рассмотрена как ее важное условие.

Вернемся к современным практикам коммеморации. Можно привести еще один пример «игры на понижение» с целью расширения охвата аудитории. После нападения исламских фундаменталистов на парижскую редакцию журнала карикатур Шарли Эбдо (7 января 2015 года, 12 человек убито) в рамках массовых акций поддержки пострадавших появилась знаменитая формулировка, выражающая солидарность: "Je suis Charlie" («Я — Шарли», иллюстрация 2). Плакаты с этим слоганом сначала появились на марше Единства в Париже (12 января 2015), который был впечатляюще многочисленным и репрезентативным (участие в нем приняли официальные представители многих стран, в том числе и мусуль-

---

²⁵ Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / пер. с англ. Г. К. Ольховикова под ред. Д. Ю. Куракина. М. : Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013. С. 184.

Ил. 2

стоит оскорблять чувства верующих, хотя убийства и террор не могут считаться подходящим методом воздействия на тех, кто слишком много себе в своей безответственной трансгрессии позволяет. В общем, конечно, сам случай имеет отношение к вопросу о том, нуждается ли свобода слова в апелляции к той самой карнавальной культуре, допустима ли оскорбительная пошлость в публичном пространстве, если она заявляет о себе как о социально направленной критике и т. д. и т. п. Для Франции такого рода культурные акты достаточно традиционны и выполняют свою функцию, но сторонников консервативной позиции, осуждающей карикатуры Шарли как неправомерную и оскорбительную профанацию, нашлось немало и в России в том числе. Но нас здесь интересовать будет другое — а именно дальнейшая судьба слогана, выражающего солидарность с пострадавшими за свободу слова. В модификации «Я/Мы имярек» этот слоган стал одним из самых успешных мемов в текущем году в России. В возвышенно-героической фазе мы увидели его в кампании в поддержку Ивана Голунова (иллюстрация 3²⁷). Логика заимствования здесь просматривается отчетливо и вопросов не вызывает, поскольку Голунов — журналист, известный качественными расследованиями оппозиционной направленности и ставший жертвой очевидной провокации со стороны сотрудников силовых структур. В этом случае есть и свобода слова, и героизм, и жертвенность, и возмущение

---

²⁶ В марше приняли участие несколько десятков глав государств мира, в частности Бельгии, Великобритании, Германии, Испании, Италии, Польши, Украины и других. Другие страны прислали своих представителей. От России присутствовал глава МИД Сергей Лавров.

²⁷ Издания «Ведомости», РБК и «Коммерсантъ» 10 июня 2019 вышли с одинаковыми обложками в поддержку журналиста Ивана Голунова, которому подбросили наркотики и завели на него уголовное дело. Надпись стала мелькать в пабликах, появилась на футболках и плакатах на митинге в поддержку журналиста 12 июня. Сам слоган и его дизайн по заказу РБК придумали арт-директор студии «Опу» Свят Вишняков и ведущий дизайнер института «Стрелка» Настя Вишнякова, сознательно ориентируясь на Je suis Charlie и #metoo (см.: Паблик на VC.RU Emilia Gulieva от 13 июня в 19:29 «Дизайнеры надписи «Я/Мы Иван Голунов» — о её создании» URL: <https://vc.ru/design/71438-dizaynery-nadpisi-ya-my-ivan-golunov-o-ee-sozdaniy> (дата обращения: 12.11.2019).

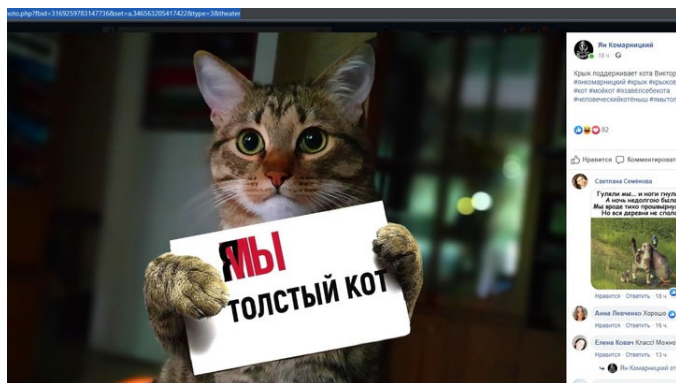
насилием. Графическое решение слогана «Я/Мы» совершенно замечательно, поскольку как раз точно выражает логику коллективного тела, в котором «Мы» как бы вбирает в себя «Я». И вот мы видим, как после убедительного успеха с

Ил. 3

поддержкой Голунова модификации «Я/Мы» стали настолько популярны, что применяются теперь к самым многообразным поводам²⁸. Эволюция от солидарности с жертвами

теракта (Шарли) до выражения симпатии обиженному Аэрофлотом владельцу толстого кота Виктора (иллюстрация 4²⁹) и призыва включить в домах отопление (иллюстрация 5) впечатляет, но вполне соответствует типичному сценарию распространения мема в

Ил. 4

²⁸ После Голунова аналогичным лозунгом поддерживали Павла Устинова, приговоренного к 3,5 годам колонии после ареста во время летних акций протеста в Москве. Приговор вызвал значительный резонанс как вопиюще несправедливый, за Устинова вступились различные профессиональные сообщества, что сделало лозунг еще более популярным.

²⁹ В ноябре 2019 года Михаил Галин во время перелета рейсом «Аэрофлота» домой из Риги во Владивосток отказался отдавать своего слишком тяжелого для допустимых параметров ручной клади кота Виктора в багажный отсек, заявив, что «Бро — не багаж» и такой транспортировки не переживет, после чего через несколько дней пронос кота в салон хитростью, за что и был наказан Аэрофлотом (лишен бонусных миль), когда обман вскрылся. Происшествие вызвало впечатляющую волну хайпа, многие пользователи вставляли на сторону интересов котовладельца, прибегая к формуле «Я/Мы толстый кот»; хайп был расценен как удар по репутации авиакомпании.

³⁰ О характеристиках мемов как элементов медиакommunikации см.: *Иваненко Е. А., Корецкая М. А., Савенкова Е. В.* По ту сторону речи и письма: коммуникативные практики интернет-сообществ // *Международный журнал исследований культуры.* 2012. № 3 (8). С. 24–34.

МЫ ОТОПЛЕНИЕ

сети³⁰. И это, конеч-но, тоже вполне можно назвать эффектом профанации. Конструктивен ли он? Почему бы и нет. С одной стороны, конечно, от одного случая к другому заметно снижается героический пафос и появляется элемент комизма. С другой стороны, сквозная формулировка лозунга позволяет в сознании обычного пользователя выстраивать в один ряд случаи, на первый взгляд мало связанные между собой в силу различий фактической стороны дела, но касающиеся, по сути, достаточно фундаментальной проблемы — проблемы отношения индивида с различными инстанциями и права

Ил. 5

не только на жизнь, но и на достоинство. Поэтому даже в профанной редакции этот слоган формирует общественное мнение определенным образом.

Теперь поговорим об еще одном аспекте карнавальности, а именно о так называемой «правильной» и «неправильной» скорби и «пляске на костях». В траурном хайпе всегда есть нечто карнавальное. Не случайно в исследовательской литературе mourning (траурный ритуал, оплакивание) часто описывается как fest — это коллективное действие, где индивидуальное переживание скорби не вливается в общий фон, а является функцией коллективного скорбного камлания. Опять же, и Джек Сантино не случайно применяет к стихийной коммеморации столь красноречивый термин «carnavalesque», подчеркивая, что на современных улицах случается настоящий карнавал скорби, в котором ритуальность происходящего, характеризующаяся избыточностью значений и деталей (горы цветов, свечей, плюшевых мишек) переключается в активизм³¹. Но карнавальность свойственна и траурной активности онлайн. Мы видим, что посты с соболезнованиями по случаю трагических событий обладают способностью разворачиваться в волну хайпа³², не говоря о том, что они представляют собой особый жанр ритуального высказывания. Буквально все:

---

³¹ From Carnavalesque to Ritualesque: Public Ritual and the Theater of the Street// Public Performances. Studies in the Carnavalesque and Ritualesque / Ed. by Jack Santino, University Press of Colorado, 2017, p. 3–15.

³² Изучению хайпа как информационного феномена, имеющего влияние на социальные процессы, посвящается все большее число гуманитарных исследований. Одно из самых основательных коллективных исследований за последнее время: From Media Hype to Twitter Storm. News Explosions and Their Impact on Issues, Crises, and Public Opinion/Edited by Peter Vasterman. Amsterdam University Press B.V., Amsterdam, 2018. 395 P.

и рядовые пользователи, и журналисты, и блогеры, и особенно публичные персоны, принадлежащие политической и культурной элитам, чувствуют себя обязанными непременно разместить соответствующий пост. Сообщество ревниво отслеживает, кто высказался, а кто нет, отмалчивающиеся порицаются. Едва ли задача постящих заключается в том, чтобы высказаться искренне, превалируют формульные тексты, так что перед нами именно профанация сильного горя, за которой стоят уже упомянутые ставки на престиж. Едва ли задача читающих убедиться в искренности сказанного в посте. Но важна сама коллективность индуцированного аффекта, важно включиться в информационную волну, а при особой удаче попасть в самый топ. Так называемые «хайпы на крови», пожалуй, самые энергоемкие, но это поле рискованных экспериментов — автор бросающихся в глаза нестандартных формулировок выражения скорби может стяжать хайп на свою голову и оказаться не только на гребне волны, но и выступить в роли столь любимого Рене Жираром «фармака»³³, козла отпущения, которого разгорячившееся сообщество «порвет» с катаргическими целями. Вот пример, один из бесконечного множества, достаточно типичный. Когда при странных обстоятельствах потерпел крушение авиалайнер Ту-154, выполнявший 25 декабря 2016 года рейс по маршруту Москва - Сочи - Латакия (Хмеймим, Сирия), и погибли все находившиеся на его борту 92 человека, включая ансамбль имени Александрова и доктора Елизавету Глинку, структура траурного хайпа была весьма характерной. Эта катастофа уже сама по себе выглядела как удар по идеологической конструкции государственного величия, поскольку рейс имел идеологическое значение, а погибшие — высокий символический статус. Сначала даже та часть отечественной аудитории, которая «против» Российского присутствия в Сирии начала с выражения соболезнований, и таким образом вопреки политическим разногласиям прошла волна траурных высказываний, на фоне которой особенно эффектно выделился пост Божены Рынски (иллюстрация 6)³⁴, которая выразила сожаление о гибели ансамбля Александрова, но поблагодарила бога за смерть трех журналистов канала НТВ, с которым незадолго до этого у нее был скандальный конфликт. Это высказывание подняло новую волну хайпа вокруг «неправильной скорби», и только после (или по крайней мере в процессе) того, как Рынску подвергли моральному осуждению со всех возможных сторон и политических позиций, постепенно стала нарастать поляризация на почве

---

³³ В античных полисах фармак — человек, которого содержат за государственный счет, чтобы в случае кризиса подвергнуть публичному унижению и позору и ритуально убить или изгнать. Это жертва, которая «должна притянуть к себе все пагубное насилие, чтобы своей смертью преобразить его в насилие благотворное, в мир и плодородие» (Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 119).

³⁴ «"Весь ансамбль Александрова... весь! Нет бы весь борт НТВ... Ну почему именно музыканты? Почему Прекрасный ансамбль? Спасибо, конечно, боженке за бонус в виде съемочной группы НТВошек, но остальные-то почему?", — написала Рынска на своей странице в Facebook» (см.: Божена Рынска поглумилась над гибелью журналистов НТВ в катастрофе Ту-154 // НТВ. 25.12.2016. URL: <https://www.ntv.ru/povosti/1736577/> (дата обращения: 01.11.2019). Здесь же приводится и подборка гневных пользовательских комментариев).

Божена Рынска

14 · €

Ой, какой [redacted]. Встаёшь, а тут такое. Весь ансамбль Александра... весь! Нет бы весь борт НТВ... ну почему именно музыканты?! Почему Прекрасный ансамбль? Спасибо, конечно, боженке за бонус в виде съемочной группы НТВшек, но остальные-то почему? Впрочем, вопрос "почему" как раз легкий. Потому что военный борт ТУ 154 [redacted] знает как обслуживали и не следили за ним. Это ж не [redacted], не борт [redacted]. Чего там за бортами каких-то мизераблей, людишек каких-то присматривать. Военные, по мнению чекистской ОПГ, созданы для того, чтобы умирать.... нет слов, как больно. И Глинка Елизавета подтвердил муж. Но я пока предпочитаю не верить. Вдруг она не полетела?

Ил. 6

аргумента. Наиболее часто встречающееся обвинение в этом траурном холиваре³⁵ и подобных ему — это обвинение в «пляске на костях». То есть собственно в профанирующем, кощунственном действии. На первый взгляд, такое кощунственное высказывание (поведение) вредоносно, поскольку препятствует сакрализации жертв и оскорбляет скорбящих. Но в этом можно увидеть своего рода ритуальную карнавальную игру, которой общество с немалым энтузиазмом предается. Обвинять кого-либо в «пляске на костях» или «пиаре на крови» — это все равно что играть в «дохлую крысу», потому что швырнуть такого рода обвинение можно практически в любого, кто пытается перекодировать волну скорби с целью ее апроприации. И, соответственно, задача того, в кого такая «крыса» попала — бросить ее кому-то другому как можно быстрее. Цель традиционных ритуалов скорби заключалась в том, чтобы переформатировать смерть как скверное, заразное сакральное в сакральное освящающее и благотворное, перевести тех, кого настигла смерть, в статус благих предков. Если ритуал нарушается «пляской на костях», то это, конечно, демонстративное покушение на восстановление целостности, и оно должно демонстративно пресекаться коллективом. Причем наказание неправильно скорбящего может компенсировать еще и желание возмездия, если таковое по каким-либо причинам реализовать невозможно. Если виновных в смерти найти нельзя (как в случае с рассматриваемой авиакатастрофой), то должны быть изгнаны хотя бы козлы отпущения. По сути, это нормальный гомеостаз, часть ритуала скорби, которая имеет кроме всего прочего еще и педагогическое значение: «скорбите правильно,

вменения ответственности за произошедшую катастрофу, и в конце концов сложилось подтверждение знаковой картины «патриоты» против «оппозиции», причем и теми, и другими катастрофа и ее жертвы были предъявлены в качестве

³⁵ Холивар — от англ. holy war — «священная война», яростная полемика на форумах и чатах.

³⁶ Под эту же логику подходят и разнообразные информационные поводы вроде не в меру оптимистичных селфи в Берлинском мемориале Холокосту или видео тверка на Поклонной горе. Морального осуждения нечувствительности отдельных персон к маркировкам культурного кода обычно бывает достаточно и для того, чтобы поставить «неадекватного» на место, и для того, чтобы вновь утвердить подвергшиеся трансгрессии границы в качестве жизненно важных. Опять же, советский пионер мог в одной ситуации слушать «Бухенвальдский набат», сглатывая комок в горле, а в другой шутить про «крепьшей Бухенвальда» и единственное, что от него требовалось, — не нарушать правил уместности.

неправильно не скорбите»³⁶. А учитывая, что в современной сетевой среде есть некоторая подвижность в отношении того, что можно, а чего нельзя, публичное осуждение «неправильной скорби» задает и поддерживает норму и представление о ценностях. Хотя, конечно, можно высказать подозрение, что такого рода совместная охота на случайного «козла» скорее служит сбросу коллективного аффекта и переключению внимания, чем осмысленной солидаризации, имеющей конструктивные последствия.

И все же есть один тип профанирующей пляски на костях, который воспринимается всегда крайне болезненно прежде всего самими сообществами утраты. Это профанация, условно говоря, по третьему типу, когда допускается обращение с сакрализованными вещами как с профанными объектами. Такое оскверняющее нарушение ритуальной практики способно вызвать волну гнева, для нейтрализации которой козла отпущения может быть недостаточно. В качестве примера можно вспомнить серьезное возмущение, прокатившееся по интернету после того, как игрушки со стихийных мемориалов памяти погибшим в пожаре в «Зимней вишне»³⁷ в ряде городов были обнаружены сваленными в мусорные контейнеры (иллюстрация 7)³⁸. Сам пожар, учитывая мрачные обстоятельства произошедшего, шокировал всю страну, и поэтому в дни официально объявленного траура временные мемориалы были организованы во многих городах. И, соответственно, проблема того, что надлежит делать с эфемерными мемора-

Ил. 7

³⁷ Пожар в Кемеровском ТРЦ «Зимняя вишня» начался около 16.00 воскресенья, 25 марта 2018. Жертвами пожара стали 60 человек, в том числе 37 детей. Большинство людей погибло в кинозалах на верхнем этаже, куда не смогли добраться пожарные.

³⁸ Вот несколько сообщений в интернет СМИ: Екатерина Бормотова. Кемеровчан возмутили выброшенные в мусорку игрушки из мемориала погибшим в «Зимней вишне». Фото выброшенных игрушек появилось в Сети // Комсомольская правда. 05.04.2018. URL: <https://www.kem.kp.ru/daily/26815/3851241> (дата обращения: 12.11.2019).

Маргарита Титова. Игрушки с мемориала погибшим в Кемерово детям выбросили в мусорный бак // Anews. 05.04.2018. URL: <https://www.anews.com/p/88650889-igrushki-s-memoriala-pogibshim-v-kemerovo-detya> (дата обращения: 12.11.2019).

Игрушки с мемориала погибшим в «Зимней вишне» в Краснотурьинске выкинули на мусорку // Информационное агентство TagilCity.ru. 17 апреля 2018. URL: <https://tagilcity.ru/news/incident/17-04-2018/igrushki-s-memoriala-pogibshim-v-zimney-vishne-v-krasnoturinske-vykinuli-na-musorku> (дата обращения: 12.11.2019).

биями после демонтажа мест траура, стала особенно заметной. Пользователи в комментариях к новостным заметкам, возмущаясь, пишут, что игрушки — это дары (жертвы) погибшим детям. И в качестве таковых они не могут быть ни просто выброшены, ни отмыты и отданы в детские дома (хотя, впрочем, такой вариант тоже озвучивался и в конце концов был рекомендован РПЦ). Это сакральный объект. «Можно собрать мягкие игрушки в мешки и сжечь, в конце концов, поскольку какого-то применения им представить сложно. Но просто выбросить в мусор всем напоказ — это кошунство», — приводит корреспондент «Комсомольской правды» слова кемеровчанки Ольги³⁹. То, что коммунальные службы не продемонстрировали понимания этого обстоятельства, — оскорбительно и вызывает дополнительную волну возмущения. Можно предположить, что это был не первый случай траурных игрушек на помойке (эта проблема типична, о ней упоминают и Сантино, и Милосевич), но резонанс возник именно в этот раз, не только по причине масштабности явления, но и потому что в силу специфики кемеровского случая (очевидное пренебрежение жизнью и безопасностью ради выгоды владельцев ТЦ) пользователи (жители Кемерова, прежде всего) быстро провели аналогию — горы грязных игрушек в мусорном контейнере были восприняты как красноречивая метафора того, что к жизни людей разнообразные инстанции относятся как к расходному материалу. А поскольку в траурных дарах объективируется также и сам аффект скорби, прозвучали обвинения представителям городских администраций в демонстративном неуважении к чувствам людей. Второй пример представляет собой один из моментов истории теракта в Беслане (1-3 сентября 2004 года) и его последствий. В феврале 2005 года родственники погибших нашли в котловане на окраине города рядом с щебеночным заводом свалку из строительного мусора, вещей погибших, их волос, а также и вещей боевиков⁴⁰. Предположительно эти предметы попали в котлован в результате спешного демонтажа крыла школы и общей очистки территории, которые были произведены через несколько дней после штурма. Родственники погибших сделали видеосъемку со свалки, фрагменты этой записи включены в документальный фильм «Комитет», который был выпущен телеканалом «Дождь» в 2014 году, и таким образом доступны для просмотра. Для родственников, многие из которых имели возможность похоронить лишь фрагменты тел своих близких и безуспешно разыскивали их одежду, найденное в котловане представляло собой сакральные объекты, с которыми поступили как с профанным мусором. Волна гнева поднялась просто совершенно невообразимая, люди, у которых и так было много претензий к государству, и они не принимали официальную версию произошедшего, после этой находки вступили в еще более жесткую кон-

---

³⁹ *Бормотова Екатерина*. Кемеровчан возмутили выброшенные в мусорку игрушки из мемориала погибшим в «Зимней вишне». Фото выброшенных игрушек появилось в Сети // Комсомольская правда. 05.04.2018. URL: <https://www.kem.kp.ru/daily/26815/3851241/> (дата обращения: 12.11.2019).

⁴⁰ *Руднева Елена, Аббасов Хасан*. В Беслане нашли склад спрятанных улик // Газета.ru 25.02.2005. URL: https://www.gazeta.ru/2005/02/25/oa_149413.shtml (дата обращения: 12.11.2019).

фронтацию, требуя отставки главы республики. «Этот случай в очередной раз показал отношение властей к нам и нашим детям. Взяли и выкинули на свалку то, что для нас является частичкой памяти о них. Мы, матери обнаружили все это. С грудями обгоревших балок, обломками шифера и поломанных парт находятся одежда и обувь наших детей!?» — говорит Сусанна Дудиева, председатель комитета «Матери Беслана»⁴¹, который был учрежден именно в эти дни (25 февраля 2005 года).

В рассмотренных примерах третий сценарий профанации едва ли разыгрывался намеренно, с целенаправленным желанием оскорбить пострадавших и сочувствующих, скорее речь идет о некомпетентном, недостаточно чутком управлении жертвами со стороны различных инстанций, которым вменена ответственность за происходящее, но это небрежение симптоматично и считается обществом как таковое. Фактически, за ним стоит парадокс биополитического диспозитива власти (жизнь декларируется в качестве сакральной ценности, но обращаются с ней как с ресурсом, допуская значительную степень цинизма). Профанирующие эффекты первых двух типов, которые рассматривались нами выше, производились самими скорбящими сообществами в рамках траурных ритуалов и в качестве таковых служили широте консолидации за счет перевода аффектов в общеупотребимый режим сентиментальности или понятного всем осуждения неправильно скорбящих, негативные эмоции в адрес которых, несмотря на их бурное выражение, весьма кратковременны, поскольку запускают механизм катарсиса. Последний же рассмотренный случай не забывается и прощению не подлежит, хотя консолидации, тем не менее, способствует. Другой вопрос, что это консолидация, которая переключает эмоцию скорби в аффектацию другого порядка — а именно в аффект гнева, который окрашен в протестные тона и получает политическое звучание, но при этом движим ресентиментом и способствует радикализации кризиса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. From Media Hype to Twitter Storm. News Explosions and Their Impact on Issues, Crises, and Public Opinion/ Edited by Peter Vasterman. Amsterdam University Press B.V., Amsterdam, 2018. 395 P.
2. *Milosevic A.* Remembering the present: Dealing with the memories of terrorism in Europe// Journal of Terrorism Research. Vol. 8, Issue 2 - May 2017, p. 44–61.
3. Public Performances. Studies in the Carnavalesque and Ritualesque. University Press of Colorado, 2017, p. 66–92.
4. *Shilling Ch., Mellor Ph. A.* 'Making things sacred': Re-theorizing the nature and function of sacrifice in Modernity // Journal of Classical Sociology, 2013(3), p. 319–337.
5. Spontaneous Shrines and Public Memorializations of Death/ Ed. By Jack Santino. New York: Palgrave Macmillan, 2005.
6. *Vaan M. de.* Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages. Leiden - Boston: Brill, 2008, 825 p.
7. *Агамбен Дж.* Похвала профанации // Профанации / Дж. Агамбен : пер. с ит. К. Токмачева ; под ред. Б. Скуратова. — Москва : Гилея, 2014. — С. 78–101.

---

⁴¹ Там же.

8. *Александр Дж.* Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / пер. с англ. Г. К. Ольховикова ; под ред. Д. Ю. Куракина. — Москва : Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013. — 640 с.
9. *Жирар Р.* Насилие и священное. — Москва : Новое литературное обозрение, 2000. — 400 с.
10. *Иваненко Е. А., Корецкая М. А., Савенкова Е. В.* По ту сторону речи и письма: коммуникативные практики интернет-сообществ // Международный журнал исследований культуры. — 2012. — № 3 (8). — С. 24–34.
11. *Иваненко Е. А., Корецкая М. А., Савенкова Е. В.* Сообщество полиса и медиа-сообщество, или найдите десять отличий между комической маской и смайликом // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». — 2010. — № 2 (8). — С. 28–49.
12. Интервью с Джеком Сантино, автором книги *Spontaneous Shrines and Public Memorializations of Death* // Археология русской смерти. — 2016 — № 3. — С. 7–18.
13. *Кайуа Р.* Миф и человек. Человек и сакральное / пер. с фр. и вступ. сл. С. Н. Зенкина. — Москва : ОГИ, 2003. — 296 с.
14. *Корецкая М. А.* Виртуальная война как продолжение биополитики другими средствами // Аспирантский вестник Поволжья. — 2016. — № 7-8. — С. 57–62.
15. *Корецкая М. А.* Профанация как метод дезактивации политической теологии // Аспирантский вестник Поволжья. — 2018. — № 7-8. — С. 30–36.
16. *Мосс М., Юбер А.* Очерк о природе и функции жертвоприношения // Социальные функции священного. Избранные произведения / М. Мосс ; перевод с французского под общей редакцией И. В. Утехина ; научная редакция И. В. Утехин, Н. М. Геренко ; составление В. Ю. Трофимов. — Санкт-Петербург : Евразия, 2000. — С. 9–106.
17. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — Москва : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/16/ma354002.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 10.12.2019).
18. *Сморчков А. М.* Религия и власть в Римской Республике: магистраты, жрецы, храмы. — Москва : РГГУ, 2012. — 602 с.
19. *Франк А.* Убежище. Дневник в письмах. — Москва : Текст, 2010. — 360 с.
20. *Югай Л.* Помянуть стихами // Археология русской смерти. — 2016. — № 3. — С. 39–51.